

Происхождение оленеводства у хантов:

комментарии к статье С.В. Опиной «Лексико-семантические группы названий оленя»¹

В статье С.В. Опиной «Лексико-семантические группы названий оленя в хантыйском языке» собран богатый материал по оленеводческой терминологии в хантыйском языке. Но происхождение многих хантыйских слов из первой и второй частей статьи («Общие названия домашних оленей без учета пола и возраста» и «Половозрастные названия оленей») остается неясным. Обращают на себя внимание пометы «ср. ненец.», после которых приводится соответствующее ненецкое слово. Однако отношения ненецких и хантыйских слов не вполне ясны: являются ли они родственными словами, восходящими к одному прауральскому слову, либо это заимствования из ненецкого в хантыйский или, наоборот, из хантыйского в ненецкий.

Собственно, вопрос соотношения ненецких и хантыйских оленеводческих терминов является темой оживленных дискуссий более ста лет. Уже в работе [Ahlquist 1890] выявлен ряд ненецких оленеводческих терминов, которые были заимствованы в хантыйский язык. С тех пор в зарубежной лингвистике стала общепринятой точка зрения, что хантыйское оленеводство заимствовано у ненцев. Позже в ряде статей дан достаточно полный список названий оленя, которые были заимствованы из ненецкого языка в хантыйский. Эти данные обобщены и дополнены в диалектном этимологическом словаре хантыйского языка [DEWOS].

Но эти материалы не убедили российских этнографов и археологов в заимствованном характере хантыйского оленеводства. Напротив, они приводят доказательства, что оленеводство у хантов является очень древним, см. подробно историю вопроса в [Кулемзин, Лукина 1992]. В частности, при раскопках в Усть-Полуйском археологическом памятнике найдены пластины сложного недоуздка, который использовался для запрягания оленей в нарты. Находки датируются серединой — концом первого тысячелетия до н.э. Археологи считают доказанным, что это были древние стоянки обских угров. На основании этих находок в новосибирской монографии [Кулемзин, Лукина 1992] сходство оленьей упряжи и нарт у обских угров и ненцев истолковывается в пользу обратного предположения — о заимствовании ненцами оленеводства у обских угров!

С.В. Опина, которая активно использует [DEWOS] в своей статье, видимо, не принимает рассматриваемые там гипотезы о заимствовании большинства хантыйских названий оленей из ненецкого языка. Поэтому, не решаясь утверждать обратное — что хантыйские и ненецкие названия оленей родственные и восходят к единому ПУ источнику, либо что ненецкие слова заимствованы из хантыйского, — она оставляет на усмотрение читателя решение о соотношении этих слов.

Представляется, что этот вопрос на самом деле очень важен. Действительно, доказательство того, что подавляющее большинство хантыйских названий оленя заимствованы из ненецкого языка, должно указывать на то, что и оленеводческий промысел у хантов сложился под влиянием ненцев. Но как же объяснить археологические находки обско-угорской оленьей упряжи, которые неопровержимо свидетельствуют об исконном характере хантыйского оленеводства? Решение этого вопроса было бы важно не только для лингвистов, для этнографов, культурологов, историков, палеобиологов, но и для носителей хантыйского языка, которые гордятся своим исконным промыслом².

В этой работе мы попытаемся дать окончательный ответ на этот вопрос. Отметим, что в настоящее время есть все предпосылки для решения проблемы происхождения хантыйского оленеводства с точки зрения лингвистики. Во-первых, принципиально увеличены корпуса лексик (самодийских языков). Даже за последние 20 лет опубликовано около 10 новых словарей самодийских языков [Alatalo 2004; Костёркина, Момде, Жданова 2001; Кузнецова, Казакевич, Иоффе, Хелимский 1993; Helimski 1997,

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 08-04-00133а и программы ОИФН РАН «Ранние контакты языков урало-алтайской общности».

² Существует ряд хантыйских преданий, объясняющих, откуда и как появились у хантов олени. Например, кочующие по Полярному Уралу оленеводы Сязи рассказывают, что у них олени повелись от дикого олененка, прирученного прадедушкой. У дедушки было уже сто самцов-хоров, не считая самок-важенок. Есть также предание о споре между казымскими хантами и народом *ахус-ях* по поводу оленей, принадлежащих казымской женщине-духу. В конце концов стадо было поделено так, что кому достался один олень, кому — 10. По представлениям юганских хантов, домашних оленей создал или пригнал с Казыма их местный дух *Ягун-ики* [Кулемзин, Лукина 1992].

Норманская Юлия Викторовна: Институт языкознания РАН, Москва.

2001a, 2007a, b; Katzschmann 1990; Быконя 2005]. Материал, собранный в них и в словаре прасамодийского языка [Janhunen 1977], позволяет в ряде случаев принципиально уточнить статус ненецких слов: являются ли они изолятами и могли бы быть сами заимствованы из какого-либо языка, или имеют прасамодийскую / прасеверносамодийскую этимологию. Во-вторых, после ряда публикаций принципиально уточнены наши знания о системе соответствий между хантыйским и самодийскими языками [UEW; Janhunen 1978; Sammallahti 1988].

Поэтому представляется, что сейчас можно на новом уровне знаний рассмотреть вопрос о статусе каждого конкретного похожего термина в ненецком и хантыйском языках, верифицировать, являются ли они заимствованиями, или могут быть соответствиями, и дополнить этот список слов, похожих фонетически и семантически.

1. Исконные хантыйские названия оленей

1.1. Обско-угорские названия оленей

Итак, сначала перечислим слова, которые реконструируются для обско-угорского уровня, т.е., по [Honti 1982], имеют стандартные фонетические соответствия между хантыйским и мансийским языками и заведомо не могут быть заимствованиями из ненецкого языка.

Помимо упомянутого в статье

1) ПОБУг. **sūrtj̄* ‘олень-самец одного года’ [Honti 1982: 607]: Пхант. **sūrtj̄*: хант. V, Vj, Trj *surtj*, Kaz *sūrtj̄*; Пманс. **surtj̄*(~ *š-*): манс. KU, Lo, So *surti* < ПУ *śarta ‘лось, олень’ [UEW: 464],

по [Honti 1982], есть еще три других обско-угорских названия оленей:

2) ПОБУг. **ńō̄ȳar* ‘жеребенок’ [Honti 1982: 448]: Пхант. **ńāw̄ar*: хант. Dn, Ni, Kaz *ńew̄ar*; Пманс. **ńāw̄ar*: манс. TJ *ńāw̄ar*, KU, KM *ńō̄wr*, P *ńō̄w̄ar*, Lu *ńāyr*, Lm, Lo *ńāw̄ar*;

3) ПОБУг. **pēš̄əȳ* ‘теленка оленя’ [Honti 1982: 483]: Пхант. **pāš̄əȳ*: хант. V, Vj *peš̄əȳ*, Ni *peš̄ə*, Kaz *peš̄ī*; Пманс. **pāš̄əȳ* (~ *-s-*, *-ä*): манс. Lo, So *pāsiy* < ФУ *poša ‘оленинок’ [UEW: 387];

4) Пхант. **napt̄əȳ* ‘важенка’: хант. V *nowt̄əȳ*; Vj *nowt̄ək̄*; Trj *nāpt̄əȳ*; Dn *nāpt̄ə*; манс. *nati* ‘важенка’ [Ahlqvist 1891; Honti 1982: 202³].

1.2. Хантыйские названия оленей, для которых нет этимологических соответствий в мансийском языке, но есть финно-угорская этимология

1) Пхант. **welV*⁴ ‘олень’: хант. V *weli*, Dn *wēt̄ə*, Kaz (*w*)*ūl̄* < ФУ **wād̄z* ‘какое-то крупное животное’ [UEW: 563].

2) Пхант. *kār ‘жеребец’: хант. V *kar*, O *χar*, Dn *χor* ‘жеребец’, Kaz *χor* ‘олень-самец от трех до пяти лет’, *χor* *ńō̄l̄əw* ‘двухлетний самец’, *χor* *sūj̄əw* ‘самец до шести месяцев’, *χō̄rt̄ī* *χopt̄ī* ‘олень-кастрат, оставленный на убой’ < ПУ *kojra ‘самец’ [UEW: 168].

Это слово не упомянуто в статье С.В. Онинной, вероятно, из-за отсутствия его рефлексов в шурышкарском говоре хантыйского языка, но оно все же достаточно широко представлено в хантыйских диалектах, см. [Honti 1982; DEWOS].

2. Хантыйские названия оленей, которые имеют фонетический и семантический аналог в ненецком языке

2.1. Термины, которые в хантыйском и ненецком языке по фонетическим соответствиям не могут быть этимологическими аналогами друг друга

1) Хант. Kaz *ńjn'sati*, O *ńen'sati* ‘яловая важенка’⁵ [DEWOS: 1061] < ненец. *нензады* ‘яловая важенка’ [Терещенко 1965: 296]; энец. *ed'ari* ‘нетель, не телившаяся минувшим летом важенка’ [Helimski 2007a] < ПСС **entV-* ‘неплодоносящая важенка’.

2) Хант. (*sīra*) *ńima* ‘важенка трех и более лет’ < ненец. *нимя* ‘старый, взрослый, большой (об олене)’

³ В этой этимологии Л. Хонти не реконструирует праобскоугорскую праформу [Honti 1982: 2002], вероятно, потому, что рефлекс этого слова зафиксирован в мансийском языке только в работе [Ahlqvist 1891] без указания на диалектные варианты.

⁴ Реконструкция этого (*welV) и следующего (*kār) прахантыйских слов предложена нами, соответствия согласных подробно описаны в работе [Honti 1982], правила реконструкции прахантыйского вокализма в [Helimski 2001b]. По правилам, предложенным Е.А. Хелимским, видно, что гласные фонемы первого слога в рефлексах *welV регулярно соответствуют друг другу, если предположить, что в казымском диалекте Пхант. *e подвергся влиянию *I-умлаута.

⁵ В статье С.В. Онинной приводится форма хант. *ńetsati* ‘важенка, у которой погиб олененок’.

[Терещенко 1965: 575]; энец. *ime* ‘старый’ [Helimski 2007a]; нган. *н'имб(и)а''а* ‘пожилой, зрелый’, *н'имкэ* ‘старший’ [Хелимский, рукопись] < ПСС *imV ‘старый, пожилой, старший’.

3) Хант. *ńoluw* ‘маленький (об оленях до одного года)’ < ненец. *нэляко* ‘маленький’ [Терещенко 1965: 307]; энец. *ńul'aigu* ‘маленький’ [Helimski 2007a]; нган. *н'еул'юкү* ‘маленький’ [Хелимский, рукопись] < ПСС *VIV.

Эти хантыйские слова (в подп. 1, 2, 3) не могут быть этимологическими аналогами ненецких форм, поскольку в них представлено протетическое *н-* в начале слова, которое появляется только в ненецком и нганасанском языках. В этих случаях речь не может идти о заимствованиях из хантыйского языка в ненецкий, потому что в энецком и нганасанском языках есть этимологические аналоги ненецких слов и реконструируются ПСС формы, начинающиеся на гласную. Если бы в хантыйском языке были представлены этимологические аналоги самодийских форм, они бы начинались на гласную, потому что ПСС гласная в начале слова на материале корпуса этимологий [UEW] всегда соответствует хантыйской анлаутной гласной.

4) Хант. Kaz *ħopti*, О *ħapti*, V, Vj *kouti* ‘кастрированный олень-бык’ [DEWOS: 534]. Хант. Kaz *ħopti*, О *ħapti* < ненец. *ħabm* ‘кастрированный олень-бык’ [Терещенко 1965: 709], V, Vj *kouti* < селькуп. *kopte* ‘кастрированный олень-бык’; энец. *kate'o*; нган. *контаа*, *конта* ‘кастрированный олень-бык’ < ПС *kāptā ‘кастрированный бык оленя’ [Janhunen 1977: 60].

5) Хант. *ħoptarka* ‘яловая, бесплодная важенка’ < ненец. *ħабтарка* ‘бесплодная важенка’ [Терещенко 1965: 709], энец. *кадиі?о* ‘хаборка, хронически бесплодная важенка’ [Helimski 2007a] < ПСС *kāptV ‘бесплодная важенка’.

Самодийские и хантыйские слова в подп. 4 и 5 не могут быть этимологическими аналогами друг друга, поскольку в самодийских языках представлен инлаутный кластер *-*pt-*, в котором в хантыйском в исконной уральской лексике вставляется эпентетический гласный *ə*, ср. ФУ **apta-* (**opta-*) ‘лаять’ [UEW: 14] > хант. Ni, Kaz *əpət-*, О *apət-* ‘облаять’; ПУ *apte ‘волосы’ [UEW: 14] > хант. V *awət*, Dn *upət*, О *opət* ‘волосы’; ПС **ep̄tā*.

6) Хант. Kaz., О *mōlħa* ‘комолый’⁶ [DEWOS: 929] < ненец. *mālk* ‘безрогий, комолый об оленях’ [Терещенко 1965: 222]; энец. *mogodi* ‘комолый (сбросивший рога)’ [Helimski 2007a]; нган. *малкэ* ‘комолый, комолый олень’ [Хелимский, рукопись] < ПСС *mālkā ‘комолый’.

Это хантыйское слово тоже не может быть этимологическим аналогом самодийских слов, поскольку в исконной лексике в праязыковом инлаутном кластере *-*lk-* происходит метатеза и вставляется эпентетический гласный *ə*, ср. ПУ **kulke-* ‘двигаться, ходить’ [UEW: 198] > хант. V *kəyəl-*, Dn *ħoħət-*, Kaz *ħoħəl-* ‘шагать, бежать’; ФУ *jälke ‘след, пятно’ [UEW: 91] > хант. Vj *jäyə!* ‘орнамент’, *jäyə!* ‘мазок, отметина (на лбу, коровы, лошади)’, Ni *jawəl* ‘звезда (на лбу лошади)’.

7) Хант. Kaz, О *awkka* ‘ручной олень’ [DEWOS: 232—233] < ненец. *навка*, *авка* ‘вскормленный возле чума олень’; энец. *ауку* ‘вскормленный возле чума олень’; нган. *auki* ‘авка’; селькуп. *авка* ‘вскормленный возле чума олень’ [Аникин 1997: 73].

Это хантыйское слово тоже не может быть этимологическим аналогом самодийских слов, поскольку в исконной лексике праязыковой инлаутный кластер *-*wk-* > хант. *-w / γ-* (с распределением рефлексов *-w-* и *-γ-* по диалектам), ср. ФУ *kawka ‘длинный’ [UEW: 132] > хант. V *koγ*, Dn, О *ħōw* ‘длинный, далекий’, Dn *ħōwá*, О *ħōwí* ‘далекий’; ФУ *towkV ‘весна’ [UEW: 532] > хант. Vj *toγ*, *toγi*, Dn *tāwə*, Kaz *təw*, *təwí*, О *tāwí* ‘весна’.

8) Хант. Kaz, О *ńōmna* ‘трех-четырёхлетний домашний олень-самец’ [DEWOS: 1002] < ненец. *намна* ‘олень-самец второго года’ [Терещенко 1965: 284]; энец. *nona* ‘олень-трехлетка’ [Helimski 2007a]; селькуп. *ń'amn'ukj* ‘теленка (самец) оленя на втором году’ [Helimski 2007b] < ПС *nāmnV ‘олень-самец второго года жизни’.

К сожалению, на материале этимологий [UEW] нет других примеров с реконструкцией инлаутного кластера *-*nm-*, поэтому его точное развитие в хантыйском языке неизвестно. Но поскольку все известные инлаутные кластеры были в исконной лексике в хантыйском языке преобразованы (вставление эпентетического гласного *ə*, метатеза, упрощение, т.е. выпадение одного согласного), то крайне маловероятно, что кластер *-*nm-* мог сохраниться в хантыйском без изменений.

9) хант. О *sira* ‘важенка двух лет’ [DEWOS: 1369] < ненец. *сырэй* ‘двухгодовалая важенка’ [Терещенко 1965: 575]; энец. *sire* ‘тарагайка, важенка от года’ [Helimski 2007a]; нган. *с'ипа'ку* ‘телка-важенка’ [Хелимский, рукопись] < ПСС *śirV ‘важенка’ < ПУ *śirta ‘олень’ [UEW: 464] > ПЮБУГ. *sūrti ‘олень-самец одного года’ [Honti 1982: 607]: Пхант. *sūrti: хант. V, Vj, Trj *surti*, Kaz *sūrti*; Пманс. *surti(~*š-*): манс.

⁶ В статье С.В. Оиной у этого хантыйского слова дано значение ‘кастрированный олень-бык’ и отсутствует указание на сходство хантыйского и ненецких слов.

KU, Lo, So *surti*.

Хант. О *sira* ‘важенка трех лет’ [DEWOS: 1369] не может быть этимологическим аналогом ненецких слов, поскольку хант. *ĩ* не является стандартным рефлексом ПУ *i. А главное, в обско-угорских языках представлен другой рефлекс этого ПУ слова: ПОБУг. *sũrtĩ ‘олень-самец одного года’ [Honti 1982: 607]: Пхант. *sũrtĩ: хант. V, Vj, Trj *surtj*, Kaz *sũrtĩ*; Пманс. *surtĩ(~*š*-): манс. KU, Lo, So *surti*.

2.2. Термины, которые в хантыйском и ненецком языке по фонетическим соответствиям могут быть этимологическими аналогами друг друга, но внутренняя или внешняя этимология самодийских форм исключает эту возможность

1) Хант. О *sũjəw* ‘оленок (о телятах от рождения до шести месяцев)’ [DEWOS: 1299] < ненец. *сую* ‘теленка (олений)’ [Терещенко 1965: 571]; энец. *sujii* ‘шкура одно-двухмесячного теленка’ < ПСС *sujii ‘теленка олений’⁷ образовано от ПС **sojã-* ‘родиться’ [Janhunen 1977: 142—143], -*u-* < -*o-* перед долгим узким гласным второго слога [Аникин, Хелимский 2007: 136].

В этой этимологии в самодийских языках при присоединении к основе **sojã-* ‘родиться’ суффикса *i происходит изменение значения ‘рожать’ > ‘теленка, недавно родившийся’. Предположение о том, что хант. О *sũjəw* ‘оленок’ является этимологическим аналогом ПС **sojã-* ‘родиться’, выглядит значительно менее правдоподобным, чем гипотеза о заимствовании этого слова из ненецкого языка.

2.3. Термин, у которого в хантыйском языке представлен нестандартный суффикс

1) Хант. *woŋkita* ‘непарившаяся (нетелившаяся) самка’ [DEWOS: 1611] < ненец. *ваңды*, энец. *bagodi*, нган. *baŋkəðəʔə* < ПСС **wāŋkəti-* ‘яловая важенка’ [Аникин, Хелимский 2007: 120]. В исходе самодийских форм можно выделить суффиксальное *-*tV(-)*. Селькуп. *waŋkita* < ненец., с народно-этимологическим уподоблением непервых слогов каритивному суффиксу -*kita*. В [Аникин, Хелимский 2007: 120] предполагается, что ПСС **wāŋkəti-* ‘яловая важенка’, возможно, образовано от ПС *wāŋkə ‘яма, углубление, полость’ (‘яловая’ < ‘полая, порожняя’), ср. ПС *wāŋkə в [Janhunen 1977: 171]⁸.

Проведенный анализ показывает, что 11 хантыйских терминов, рассмотренных в пунктах 2.1—2.3, являются заимствованиями из ненецкого языка.

2.4. Термины, которые фонетически могли быть в хантыйском и в ненецком рефлексам одной и той же праформы, но в хантыйском языке представлены лишь в казымском и обдорском диалектах, а в ненецком языке не имеют самодийских аналогов

1) Хант. *tal'boj*⁹ ‘пряморогий олень’ [DEWOS: 1438] < >¹⁰ ненец. Л *талвой* ‘пряморогий олень’.

Очевидно, что эти слова не могут быть этимологическими аналогами, поскольку они имеют идентичные нестандартные суффиксы. Но направление заимствования выяснить не удастся, поскольку внешняя этимология как хантыйского, так и ненецкого слов абсолютно неясна. Наиболее вероятно заимствование из какого-то третьего языка.

2.5. Термины, которые фонетически могли быть в хантыйском и в ненецком рефлексам одной и той же праформы, но в хантыйском языке представлены лишь в северо-западных диалектах

1) Хант. О *janəw* [DEWOS: 383] ‘тихий, медленный во время езды олень’¹¹ < ненец. *януу* ‘ленивый’, энец. *d'ona* ‘медлительный; мучительный; смиренный, тихий, осторожный’ [Helimski 2007a]; нган. *d'ontaagə* ‘тихий, медленный’ [Хелимский, рукопись], селькуп. *contika* ~ -*kaŋ* ~ -*kka* ~ -*kkaŋ* ‘медленно, тихо (двигаться)’ [Helimski 2007b] < ПС **jən-(t)V* ‘медленный’.

2) Хант. *mōrəw* ‘упрямый, непослушный, сходящий с дороги или лежащий на дороге во время ез-

⁷ ПСС слово заимствовано также в эвенк. *сујүкэн* ‘бычок (олень до года)’, (?) орок. *су(в)э* ‘оленок (самец-однолетка)’ [ТМС II: 117, 121].

⁸ ПСС слово также, видимо, заимствовано в эвенк. *ваңгај* (*ваңкај* и др.), эвен. *маңгај*, нег. *ваңгај*, орок. *ваңга*, *ваңгај* ‘яловая (важенка)’ [ТМС I: 130]. Тунгусо-маньчжурские факты не принадлежат к исконному фонду (иначе [Цинциус 1949: 299]). Эвенк. *ваңга-* ‘выкинуть плод, преждевременно родить’ [ТМС I: 130], видимо, образовано вторично. Ср. также чук. *ваŋqac* (*vaŋqás-qor*), коряк. *waŋqat-* (*waŋqat-qoj*) ‘яловая важенка’ < Пчук.-кор. **waŋqac-* [Мудрак 2000: 214], которое, возможно, заимствовано из северных тунгусо-маньчжурских языков.

⁹ Это слово не приводится в статье С.В. Онинной, но приводится в [DEWOS] в качестве заимствования из ненецкого языка.

¹⁰ Знак < > обозначает, что направление заимствования определить не удастся.

¹¹ В статье С.В. Онинной отсутствует указание на сходство хантыйского и ненецкого слов, которое отмечено в [DEWOS: 383].

ды олень' < ненец. *map* "крупный, сильный самец дикого оленя", энец. *toro* "самец дикого оленя"; нган. *mapyā* "необученный упряжной олень (не пригодный как передовой)" [Хелимский, рукопись] < ПСС *mərə "самец дикого оленя"¹² [Аникин, Хелимский 2007: 114 (без нганасанских параллелей)].

3) Хант. *minrəw* "олень-вожак в стаде"¹³ < ненец. *менаруй* "менруй" [Терещенко 1965: 247]; энец. *men'arui* "менруй" [Helimski 2007a] < ПСС *menarV "менруй".

В подп. 1—3 ненецкие слова имеют ПС или ПСС этимологию, поэтому можно предполагать либо заимствование из ненецкого языка в хантыйский, либо родство хантыйского и ПС(С) слов. Конечно, последний вариант представляется менее вероятным, поскольку хантыйский термин представлен в очень ограниченном числе диалектов. Но полностью исключить эту гипотезу также не представляется возможным.

Выводы

Таким образом, анализ этимологий хантыйских названий оленей приводит нас к весьма интересному результату. Во-первых, выделяется прахантыйская половозрастная терминология названий оленей (раздел 1): Пхант. *sūriŋ "олень-самец одного года", *ñäwər "жеребенок", *päcəŋ "тенок оленя", *welV "олень", *kār "жеребец", *naptəŋ "важенка". Эти слова имеют обско-угорскую, финно-угорскую и в ряде случаев уральскую этимологию и неопровержимо свидетельствуют об исконном характере прахантыйского и даже праобско-угорского (см. п. 1.1) оленеводства.

Одновременно в северо-западных диалектах хантыйского языка (особенно в казымском и обдорском) присутствуют 11 названий оленя (п. 2.1—2.3), про которые доказано, что они были заимствованы из ненецкого языка. Такой массивный приток заимствований может свидетельствовать лишь о том, что оленеводство у носителей этих диалектов сложилось под влиянием ненцев. Эта лингвистическая картина выглядит несколько неожиданно и в какой-то степени противоречиво. Но ее интерпретация становится абсолютно прозрачной при привлечении этнографических данных о характере оленеводства у хантов.

Оказывается, что у хантов существовали два типа оленеводства: тундровый и таежный. Тундровый, или лесной тип оленеводства характерен для восточного Прикамыя. Стада оленей при тундровом типе оленеводства небольшие, в несколько сотен голов, выпасаются по определенным маршрутам недалеко от сел. В прошлом был полувольный выпас оленей. При таежном типе оленеводства, характерном для западного Прикамыя, большие стада оленей по 1000—1500 голов кочуют в меридиональном направлении: весной к северу, осенью к югу. Хантыйское таежное оленеводство по способам выпаса оленей, типам запряжки оленей, упряжки, нарт, посадки на них – самодийского типа.

При соотнесении лингвистических и этнографических данных становится ясно, что у хантов было исконное оленеводство тундрового, или лесного типа, которое, вероятно, возникло еще в обскоугорский период (доказательством этого являются, во-первых, находки археологов обско-угорской оленьей упряжи, во-вторых, корпус праобско-угорских названий оленей (см. выше п. 1.1). В настоящее время этот тип оленеводства сохранился у восточных хантов, которые используют практически¹⁴ только исконно хантыйские названия оленей. У северо-западных хантов (казымских, обдорских и т.д.) под влиянием контактов с ненцами изменился тип оленеводства. Они перешли на таежный тип оленеводства с большими поголовьями скота и в связи с этим заимствовали у ненцев большинство половозрастных названий оленей.

Сокращения

коряк. — корякский

манс. — мансийский

Km — средне-кондинский диалект

Ku — ниже-кондинский диалект

Lm — средне-лозьвинский диалект

ПС — прасамодийский

ПСС — прасеверносамодийский

ПТМ — пратунгусоманьчжурский

ПУ — прауральский

Пхант. — прахантыйский

¹² Сравнение самодийских данных с эвенк. *мур* ~ *мүр*, *нур* "самец (собаки, лисицы, соболя), кобель", нан. *мур челги* "колонок (самый крупный самец)" [ТМС I: 667], предложенное в [Аникин, Хелимский 2007: 114], представляется не вполне надежным.

¹³ Нам не удалось найти это слово в [DEWOS], но обращает на себя внимание его сходство с самодийскими словами, которое не было отмечено в статье С.В. Опиной.

¹⁴ Единственное исключение – это хант. V, Vj *kouti* "кастрированный олень-бык", заимствованное из селькупского языка.

Lo – верхне-лозьвинский диалект	сельк. — селькупский
Lu – нижне-лозьвинский диалект	ФУ — финно-угорский
N – северно-мансийский диалект	хант. — хантыйский
P – пельымский диалект	Dn – верхнедемьянский диалект
So – сосьвинский диалект	Kaz – казымский диалект
Tj – тавдинский диалект (деревня Янычкова)	Kr – красноярский диалект
нан. — нанайский	Ni – низямский диалект
нган. — нганасанский	O – обдорский диалект
нег. — негидальский	Ttj – тромъеганский диалект
ненец. — ненецкий (тундровый)	V – ваховский диалект
ненец. Л — ненецкий (лесной)	Vj – васюганский диалект
орок. — орокский	чук. — чукотский
Пманс. — прамансийский	эвен. — эвенский
ПобУг. — праобско-угорский	эвенк. — эвенкийский
прачук.-кор. — прачукотско-корякский	энец. — энецкий

Литература

- Аникин 1997 — *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997.
- Аникин, Хелимский 2007 — *Аникин А.Е., Хелимский Е.А.* Самодийско-тунгусские лексические параллели. М., 2007.
- Быконя 2005 — Селькупско-русский диалектный словарь / Отв. ред. *Быконя В.В.* Томск, 2005.
- Костёркина, Момде, Жданова 2001 — *Костёркина Н.Т., Момде А.Ч., Жданова Т.Ю.* Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский. СПб., 2001.
- Кузнецова, Казакевич, Иоффе, Хелимский 1993 — *Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Иоффе Л.Ю., Хелимский Е.А.* Очерки по селькупскому языку. Т. 2. Тазовский диалект. М., 1993.
- Кулемзин, Лукина 1992 — *Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Знакомьтесь, ханты. Новосибирск, 1992.
- Мудрак 2000 — *Мудрак О.А.* Этимологический словарь чукотско-камчатских языков. М., 2000.
- Терещенко 1965 — *Терещенко Н.М.* Ненецко-русский словарь. М., 1965.
- Хелимский, рукопись — *Хелимский Е.А.* Словарь нганасанского языка. Рукопись.
- Цинциус 1949 — *Цинциус В.И.* Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949.
- Alatalo 2004 — *Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U.T. Sirelius und Jarmo Alatalo / Zusammengestellt und hrsg. von Alatalo J.* Helsinki. 2004.
- Ahlquist 1890 — *Ahlquist A.* Über die Kulturwörter der obischen-ugrischen Sprachen // JSFOu. 1890, 8.
- Ahlqvist 1891 — *Ahlquist A.* Wogulisches Wörterverzeichnis. MSFO. 2. Helsinki, 1891.
- DEWOS — *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966. (Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin).
- Helimski 1997 — *Helimski E.* Die Matorische Sprache. Wörterverzeichnis — Grundzüge der Grammatik — Sprachgeschichte. Szeged, 1997.
- Helimski 2001a — Южноселькупский словарь Н.П. Григоровского / Обр. и изд. *Хелимский Е.* (HSFUM 4). Hamburg, 2001.
- Helimski 2001b — *Helimski E.* Ablaut als Umlaut im Ostjakischen: Prinzipien und Grundzüge der lautgeschichtlichen Betrachtung // Fremd und Eigen: Untersuchungen zu Grammatik und Wortschatz des Uralischen und Indogermanischen, in memoriam Hartmut Katz. Wien, 2001. S. 55—76.
- Helimski 2007a — *Helimski E.* База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.
- Helimski 2007b — *Helimski E.* База данных селькупского языка // www.helimski.com, 2007.
- Honti 1982 — *Honti L.* Geschichte des obugrischen Vokalismus der ersten Silbe. Budapest, 1982.
- Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. (Castrenianumin toimitteita. 17.) Helsinki, 1977.
- Janhunen 1978 — *Janhunen J.* Uralilaisen kantakielen sanastosta // JSFOu. 1978. Bd. 77. S. 219—274.
- Katzschmann 1990 — *Katzschmann M.* Vorläufiges Nganasanisches Wörterverzeichnis auf der Grundlage alter und neuer Quellen / Privatausgabe. S. 1., 1990.
- Sammallahti 1988 — *Sammallahti P.* Historical Phonology of the Uralic Languages // The Uralic Languages: Description, History, and Foreign Influences. Brill, 1988.

SUMMARY

In this article the origin of reindeer-breeding of Khanty is explored on the basis of linguistic data. It is proved that eastern Khanty who used practically primordial (from the point of view of Ob-Ugrian etymology) names of reindeer, practiced Tundra type of reindeer-breeding. The last one was probably inherited from Proto-Ob-Ugrians. On the contrary there were more than 10 names of reindeer in use by western Khanty and all of these names were borrowed from Samoyed languages. Conducted research shows that western Khanty practiced Taiga type of reindeer-breeding. As is well known from ethnographic research, this type of reindeer-breeding was borrowed from Samoyed. Thus, linguistic and ethnographic data about the origin of the Khanty reindeer-breeding perfectly match each other.